ВОСТОКЪ И ЗАПАДЪ

ВЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Публичная лекція.

Е. ШМУРЛО.

Юрьевъ.
Типографія К. Матисена.
1895.

Изъ „Учен. Зап. Имп. Юрьевскаго Университета“ 1895 г. № 3.

ВОСТОКЪ И ЗАПАДЪ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ [1]).

I.

Среди племенъ, населяющихъ нашу часть свѣта, ни у одного, можетъ быть, не выдѣляется такъ ярко исторія на два фронта, какъ у племени русскаго. Я хочу этимъ сказать, что международныя сношенія западно-европейскихъ народовъ (выдѣлить придется, можетъ быть, Испанію и Польшу, да и то съ большой оговоркой) существенно носили характеръ домашній, семейный. Люди жили среди интересовъ, возникавшихъ въ ихъ собственной средѣ, по собственному почину. Особенно это замѣтно въ періодъ среднихъ вѣковъ, періодъ сравнительной замкнутости и обособленности. Каждая народность прежде всего занята своимъ внутреннимъ дѣломъ: устройствомъ государства, политическимъ объединеніемъ. Если извнѣ она и знаетъ кого, то своихъ же сосѣдей, людей своего круга. Таковы Франція, Англія, Германія, Италія. Близко подходятъ къ

1) Вопросъ о роли „Востока и Запада въ русской исторіи“ послужилъ автору темою для публичной лекціи. Это обусловило размѣры настоящей статьи и форму изложенія. Вопросъ самъ по себѣ слишкомъ сложенъ, для того чтобъ обольщаться надеждою дать на двухъ печатныхъ листахъ достаточно полный анализъ его. Вотъ почему авторъ заранѣе признаетъ неполноту своей работы и предвидитъ возможность возраженій; но онъ полагаетъ, что и въ такомъ видѣ его трудъ можетъ имѣть право на вниманіе тѣхъ, кто интересуется даннымъ вопросомъ.

нимъ Венгрія, Польша, Скандинавія. Живя своею жизнью, онѣ какъ бы и вѣдать не вѣдаютъ, кто стоитъ за предѣлами ихъ круга.

Правда, въ Европу вторгались арабы; пришлось организовать крестовые походы въ Палестину; позже стала необходимою борьба съ турками — но все это скорѣй исключенія, чѣмъ общее правило, скорѣй случайные эпизоды, преходящія явленія, чѣмъ что-либо постоянное. Когда же наступила пора открытій и изобрѣтеній, вскрылось существованіе новыхъ материковъ и положено начало колонизаціонной дѣятельности; то кругъ, хотя и былъ перейденъ, но не вслѣдствіи внѣшняго побужденія, а по собственной иниціативѣ. Мѣднокрасные индѣйцы и чернокожіе африканцы не нападали на насъ, бѣлый человѣкъ самъ захотѣлъ идти къ нимъ, и всѣ экспедиціи, начиная съ походовъ Кортеца въ Мексику, Пизарро и Альмагро въ Перу и кончая современными изслѣдованіями Стэнли и Эминъ-Паши въ Центральной Африкѣ, — собственно говоря, лишь законное и необходимое слѣдствіе естественнаго развитія, культурнаго процесса.

Совсѣмъ не то наша Россія. Кромѣ исторіи собственно европейской, которую она создавала, развивала, культивировала, у нея была еще другая: исторія азіатская, вынужденная, навязанная, неотвязчивая. Обѣ шли параллельно одна другой, обѣ самостоятельныя, враждебныя, никогда не примиренныя. Европа — символъ культуры, развитія, движенія. Азія — это застой и варварство. Вмѣстѣ имъ никогда не ужиться.

Русская народность была европейскою, какъ часть славянской вѣтви, которая въ свою очередь, вмѣстѣ съ германскою, латинскою, греческою и другими, смотрѣла на себя, какъ на отпрыскъ арійскій. Подобно населенію Западной Европы, русскіе исповѣдывали христіанство, т. е. держались тѣхъ же принциповъ нравственности и, проповѣдуя любовь къ ближнему, — государственный порядокъ, опи-

рающійся на признаніи личности и уваженіи чужой собственности, — цѣнили выше минутнаго удовлетворенія произвола. Основы быта семейнаго и общественнаго были одинаковы и тамъ, и здѣсь; точно также и строй государственный выросъ у нашихъ предковъ и у народностей Западной Европы изъ тѣхъ же самыхъ началъ. Здѣсь была готовая и благодарная почва для взаимнаго пониманія и совмѣстнаго рука объ руку движенія впередъ. Вотъ почему въ теченіи всей своей 1000-лѣтней исторіи Россія постоянно стремилась жить въ общеніи съ своими собратьями, понимая, въ чемъ именно таится залогъ ея дальнѣйшаго преуспѣянія на пути духовнаго развитія.

Но сила вещей неумолимо тянула насъ въ другую сторону, въ сторону Азіи, отвлекая отъ общаго очага цивилизаціи и принуждая двоиться. Исторія Россіи — это равнодѣйствующая, образованная двумя силами, изъ которыхъ каждая лишь противодѣйствовала одна другой. Конечно, здѣсь прежде всего приходится искать объясненій, почему многое въ русской исторіи шло не такъ гладко, достигалось не такъ легко, достигнуто не съ такой полнотой и совершенствомъ, какъ у нашихъ сосѣдей.

Въ этомъ легко убѣдиться; стóитъ лишь мысленно взглянуть по направленію къ Азіатскому востоку и прослѣдить въ самыхъ общихъ чертахъ наши къ нему отношенія.

Первая страница русской исторіи еще не была намѣчена, а темная сила уже тяготѣетъ надъ нами. Если справедливо, какъ утверждали наши предки, современники половецкихъ набѣговъ и татарскаго ига, что незваные выходцы азіатскихъ степей были навожденіемъ ада, наказаніемъ божіимъ, то позволительно утверждать, что Россія зачалась въ грѣхѣ.

Еще въ ту отдаленную пору, когда о русской народности и помину нѣтъ, и сама она безформенной массой таится въ хаосѣ народностей, населявшихъ Восточную Европу IV, V, VI, VII вв., ей уже приходится считаться съ

гуннами и аварами . . . Еще не успѣли пробиться наружу первые ростки государственности, не успѣлъ еще появиться Рюрикъ, первый предвозвѣстникъ этой государственности, — а хозары уже протянули руку къ русской землѣ и собираютъ дань съ южныхъ племенъ . . Первый князь кіевскій, Олегъ, едва пришелъ изъ Новгорода, какъ вынужденъ заботиться объ укрѣпленіи южной границы. Ясы и касоги, повидимому, не прочь смѣнить хозаръ, но у нихъ перебиваютъ дорогу печенѣги. Святославъ Игоревичъ въ битвѣ съ ними сложилъ свою молодецкую голову. Владиміръ Св. не только апостолъ христіанства, но и строитель городовъ-крѣпостей: онъ воздвигаетъ ихъ по Деснѣ, по Вострѣ, по Трубежу, Сулѣ, по Стугнѣ — для отпора кочевниковъ. Цѣлый рядъ легендъ, порожденныхъ борьбою съ печенѣгами, пріуроченъ къ его времени. Напомню извѣстный разсказъ о единоборствѣ Яна Усмошвеца и постройкѣ города Переяславля на мѣстѣ, гдѣ русскій юноша п е р е я л ъ с л а в у у печенѣжскаго богатыря. — При Ярославѣ Мудромъ лѣтопись въ послѣдній разъ упоминаетъ о печенѣгахъ; повидимому, русская земля освободилась отъ непрошенныхъ гостей, но это только повидимому. Десятокъ, другой лѣтъ спустя — и на смѣну печенѣгамъ появятся половцы, съ тѣмъ чтобы уже на цѣлыхъ два столѣтія держать въ напряженномъ страхѣ русскую землю.

Что это за странная смѣна азіатскихъ кочевниковъ? Откуда шли они? Куда? Зачѣмъ?

Кочевникъ не можетъ не двигаться. Азія — эта officina gentium — издавна высылала въ Европу своихъ сыновей, которые врывались на быстрыхъ коняхъ, какъ настоящій степной вѣтеръ, переворачивали все верхъ дномъ и, опустошивъ, обезлюдѣвъ страну, довольные, покидали ее. Новая христіанская Европа, какъ извѣстно, возникла на развалинахъ классическаго міра подъ вліяніемъ именно такого урагана. Великія Европейскія ворота — низовья рр. Урала и Волги — служили торнымъ путемъ для вы-

ходцевъ съ Востока. Этотъ потокъ разливался по югу нынѣшней Россіи и шелъ далѣе на западъ. Молодое русское государство возникло какъ разъ на берегу этого потока, который не могъ не подмывать его. Продолжая выражаться фигурально, русскіе люди IX, X—XII вв. сидѣли на краю большой проѣзжей дороги, и всякій, кто проходилъ по ней, неизбѣжно задѣвалъ и ихъ. Волна смѣнялась волною, хозаръ смѣнили печенѣги, этихъ — половцы, половцевъ — татары, — а суть дѣла не измѣнялась! Страдовать и въ потѣ лица бороться за право существованія приходилось попрежнему.

Міръ германо-романскій оказался въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Границы политическія большей частію совпадали тамъ съ границами, обусловленными самой природой; высокія горы, широкія морскія пространства создавали естественную защиту и позволяли значительную часть своихъ силъ, матеріальныхъ и умственныхъ, прилагать на работу внутренняго устройства Внѣшнихъ вторженій тамъ почти не знали. Набѣги норманновъ были набѣгами младшаго поколѣнья, запоздалымъ эпилогомъ той же самой работы, что́ нѣкогда продѣлали и старшіе братья; вторженія арабовъ скорѣе повысили культуру Испаніи и южной Франціи, чѣмъ задержали ее . . .

Русскій человѣкъ, наоборотъ, съ самаго начала очутился лицомъ къ лицу съ безбрежною и полудикою степью, гдѣ граница могла ежедневно отодвигаться въ ту или другую сторону, смотря по тому, кто силенъ былъ въ данную минуту Положимъ, на нашу долю выпала почетная роль передового форпоста Европы въ борьбѣ ея съ Азіей, высокая миссія собственной грудью защищать собратьевъ отъ натиска кочевниковъ — но почетъ этотъ сто́илъ очень и очень дорого: онъ мѣшалъ нашему домостроительству, внутреннему распорядку. . . Долго боролись наши предки, долго отстаивали свои позиціи, но, наконецъ, не выдержали: въ половинѣ XIII ст. напоръ азіатскихъ выход-

цевъ заставилъ ихъ склонить свою голову, — и надъ растерзанной, поруганной Россіей спустилась и надолго окутала ее темная, безпросвѣтная ночь — татарское иго. А если кто и ушелъ отъ него, то попалъ въ руки литовскія и польскія: такова вся Западная Русь.

Нечего дѣлать. Приходилось собирать новыя силы, начинать чуть не сызнова. Эту работу выполнили князья московскіе. Иванъ III покончилъ съ игомъ. Съ игомъ — да, но не съ татарами. Вмѣсто Золотой Орды выросла орда Ногайская, царства Крымское, Астраханское и Казанское. Правда, дышать стало много легче. Ярма уже не было, и мы опять стали въ положеніе обороняющагося, — болѣе того: даже могли перейти въ наступленіе Если Иванъ III только сбрасывалъ тяжелые путы, то внукъ его самъ накладываетъ ихъ на татаръ: при Иванѣ Грозномъ завоевана Казань и Астрахань. Роли, очевидно, мѣняются, и тотъ, кто недавно тиранилъ насъ, самъ проситъ пощады.

Итакъ, значитъ, дѣло сдѣлано? Цѣль достигнута? Значитъ, теперь мы снова можемъ всѣмъ фронтомъ повернуть въ сторону Запада и возобновить порванную связь? . . .

Какое горькое заблужденіе! Вѣдь естественныхъ границъ не было попрежнему! Тщетно пытливымъ взоромъ всматривались мы въ открытый горизонтъ . . . За Казанью и Астраханью тянулись тѣ же степи, текли тѣ же судоходныя рѣки, — эти желѣзнодорожные пути стараго времени — значитъ, предстояли тѣ же столкновенія.

Къ тому же вѣчныя распри этихъ азіатовъ неизбѣжно втягивали и насъ въ ихъ дѣла. Культурная народность не можетъ безучастно смотрѣть на дрязги и междоусобицы сосѣднихъ полудикихъ народовъ, такъ какъ онѣ всегда отзовутся неблагопріятно на его собственномъ развитіи. Путемъ ли покровительства или завоеванія всегда приходится сдерживать эти силы; занимать вражескую землю или устраивать живую изгородь, чтобы заслонить и обезпечить повседневную жизнь мирнаго человѣка отъ возможныхъ

нарушеній. И мы, дѣйствительно, въ одно и то же время покровительствовали, завоевывали, огораживались такъ называемыми „линіями“.

Шире и шире раскрывались передъ нами двери Востока, и точно какая-то неумолимая сила толкала насъ туда. Едва успѣлъ Иванъ Грозный завоевать Астрахань, какъ вынужденъ строить на Терекѣ городокъ по просьбѣ самихъ жителей края, чтобы дать имъ защиту отъ дикихъ кавказскихъ горцевъ. Паденіе Казани открыло свободную дорогу въ Пермскій, издавна русскій, край, при чемъ сейчасъ же оказалось, что Уральскій хребетъ — грань слишкомъ ненадежная. Приходится переваливать черезъ Каменный поясъ, и Ермакъ Тимоѳеевичъ еще при жизни Грознаго бьетъ ему царствомъ Сибирскимъ. Въ какую нибудь сотню лѣтъ русскіе землепроходы, какъ называли первыхъ піонеровъ Сибири, прошли этотъ край вплоть до Великаго океана и уже въ концѣ XVI стол. привели насъ въ столкновеніе съ Китаемъ.

А я еще не упомянулъ ни словомъ о трехвѣковой борьбѣ съ крымскимъ ханомъ, которому вплоть до Петра Великаго мы платили позорную дань, т. наз. „поминки“, едва лишь прикрывавшіе въ этой формѣ унизительный смыслъ нашего обязательства Башкирское Заволжье, киргизское Зауралье — это лишь два этапныхъ пункта въ нашемъ движеніи на Востокъ, лишь станціи для минутной передышки. Оконченъ короткій отдыхъ — и снова иди дальше и дальше въ глубь безконечныхъ степей.

И вѣдь какая насмѣшка судьбы! Подвигаясь скрѣпя сердце, готовые на первомъ же этапѣ остановиться навсегда, мы въ то же время сами себѣ измѣняемъ и противорѣчимъ собственной программѣ. Одна рука не вѣдаетъ, не хочетъ вѣдать, что творитъ другая. Тяжелыя внѣшнія условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась русская государственность, отразились и на внутреннемъ строѣ общества очень тяжело. Не всякому онъ оказался подъ силу, и кто не

сносилъ, тотъ убѣгалъ его. Одного гнала нужда матеріальная, другого несправедливость людская; кто разошелся въ воззрѣніяхъ, въ комъ просто искала выхода неспокойная, неустановившаяся сила, и вновь слагавшіяся рамки общественныя оказывались черезъ чуръ тѣсными

Куда же уйти? Конечно, туда, гдѣ дорога открыта и гдѣ иной строй общества удовлетворитъ ваши желанія. И вотъ на тотъ же Востокъ, но уже всецѣло по своей иниціативѣ, тянется русскій мужичокъ-пахарь, лишенный льготъ Юрьева дня или просто безземельный; бѣжитъ старовѣръ, недовольный никоновскими порядками; преступникъ; любой нелегальный и всякъ вообще, кому не легко жилось дома. Идетъ, наконецъ, и предпріимчивый промышленникъ-купецъ: ему дорога, по самой профессіи, при всякомъ режимѣ, нигдѣ не заказана. Единицами, мелкими кучками, всѣ эти отщепенцы московскаго центра незамѣтно выростаютъ въ цѣлыя поселенія, крупныя группы. То тамъ, то тутъ возникаютъ деревни, скиты, города, казачьи станицы . . .

Но, разъ очутившись за рубежемъ, затерянный среди инородцевъ, въ силахъ ли былъ этотъ людъ на самомъ дѣлѣ порвать старыя связи? въ силахъ ли былъ прекратить сношенія съ прадѣдовскимъ очагомъ? Разумѣется, нѣтъ. Ясно, какія вытекали отсюда послѣдствія.

Если правительство есть, дѣйствительно, отраженіе ума и сердца народнаго, то русская власть не могла индифферентно относиться къ этимъ выходцамъ и бѣглецамъ, особенно, когда нѣкоторые изъ нихъ, доведенные до крайности, взывали къ поддержкѣ. Какъ было не помочь? Нельзя же было бросить на произволъ судьбы, хотя и ослушника, но все же единокровнаго и подданнаго! Другихъ же (раскольниковъ, бѣглецовъ и преступниковъ) правительство само считало нужнымъ не оставлять въ покоѣ, чтобъ поддержать престижъ власти и парализовать ихъ вліяніе на тѣхъ, кто, еще оставаясь на Москвѣ, могъ поддаться ихъ соблазну. Тѣмъ или инымъ путемъ, но несомнѣнно, что отношенія

къ Востоку становились все сложнѣе. узелъ, завязывавшій ихъ, затягивался все крѣпче и крѣпче.

Въ этомъ вынужденномъ движеніи, можно сказать, весь трагизмъ положенія. Чувствуется присутствіе чего-то неизбѣжнаго, рокового. Въ теченіи 1000 лѣтъ мы только и знали, что старались отчураться, уйти отъ Востока, а въ результатѣ только тѣснѣе сближались, шли по его направленію. Но какъ же было иначе поступить? Двѣ культурныхъ націи легко уживутся на одномъ полѣ; культурная и некультурная — никогда. Сперва намъ приходилось молчаливо выносить наносимые удары; потомъ, нѣсколько окрѣпнувъ, мы пытались отбросить врага отъ себя, отмежеваться и огородиться путемъ военныхъ поселеній, казачьихъ „линій“; но врагъ, благодаря отсутствію естественныхъ границъ, легко возвращался назадъ. Тогда мы шли въ его собственное логовище, занимали его, проводили здѣсь новую грань, но за нею сейчасъ же выростало новое разбойничье гнѣздо Мы шли и въ него, занимали и это, но результатъ былъ лишь тотъ, что только становились ближе къ третьему. За 3-мъ уже виднѣлось 4-е и т. д. и т. д безъ конца.

Вотъ почему, если при Екатеринѣ II намъ, наконецъ, и удалось свернуть шею крымскому хану и, занявъ Тавриду, пріостановиться, потому что далѣе лежала природная граница, Черное море, да и жили за этимъ моремъ люди уже иного типа и склада, — то двигаться, попозже, все же пришлось: в д о л ь моря; а въ то же время, какъ-бы въ отместку за эту пріостановку, борьба принимаетъ особенно громадные размѣры на другихъ пунктахъ, въ теченіи XIX столѣтія. Я говорю о Кавказѣ и Средней Азіи. Война съ горными племенами Кавказа — это сплошной непрерывный рукопашный бой, грудь съ грудью, въ теченіи десятилѣтій, уже безъ всякой передышки. — Противъ Средней Азіи мы воздвигаемъ новую Оренбургскую линію, отправляемъ Перовскаго въ (неудачный) Хивинскій походъ, а съ 50-хъ гг.

предпринимаемъ рядъ дѣйствій, которыя приводятъ насъ въ Самаркандъ, Коканъ, въ Кульджу и въ Мервъ. Но кто можетъ сказать, что это послѣдніе этапы на длинномъ и утомительномъ пути? Кто рѣшится утверждать, что впереди на нашей дорогѣ не могутъ еще встрѣтиться Гератъ, Памиръ или Корея? [1]) . . .

Итоги навязаннаго знакомства съ Азіей, разумѣется, крайне печальные. Русскій народъ, по преимуществу земледѣльческій, сложился въ государство, по преимуществу военное. Громадный запасъ силъ, умственный и матеріальный, ушелъ на дѣло въ сущности отрицательное, на внѣшнее обезпеченіе своего положенія. Государственная территорія разрослась до небывалыхъ размѣровъ и легла тяжелымъ бременемъ на трудовыя плечи русскаго народа. Разбродъ населенія мѣшалъ сплоченію, работѣ государственнаго единенія. Прогрессъ культурный шелъ замедленнымъ шагомъ; Россія, какъ принято выражаться, „отстала“ отъ Западной Европы. Правда, мы явились въ Азіи насадителями общеевропейской цивилизаціи, — но насколько неизмѣримо обильнѣе былъ бы нашъ посѣвъ, еслибъ самъ сѣятель могъ выйти на пашню въ полномъ всеоружіи знанія! . Правда и то, что обширныя территоріи на Востокѣ даютъ намъ теперь лишній козырь въ борьбѣ съ государствами Западной Европы, — но еще вопросъ, не оказались ли бы мы сильнѣе, еслибъ могла осуществиться фантазія (конечно, не болѣе!) Петра Великаго сдвинуть все русское населеніе къ западнымъ границамъ государства, покинувъ навсегда области восточныя! . . Вѣрно и то, что Азіатскій востокъ превращается теперь для насъ въ обширную колонію, гдѣ найдетъ широкое поприще тотъ-же пахарь-переселенецъ, —

---

1) Высказываться въ этомъ направленіи я имѣлъ случай еще раньше, именно въ статьѣ своей: „Новый городъ въ Тургайской степи (изъ лѣтнихъ наблюденій)“, въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1887, № 5 (см вступительную главу, стр 2—4) Нѣсколько выраженій оттуда, почти безъ измѣненій, попали и въ настоящую лекцію

но опять же еще вопросъ, не потому ли и потребность явилась въ этихъ новыхъ мѣстахъ, что, благодаря внѣшнимъ условіямъ, мы и до сей поры не съумѣли выработать интенсивной культуры и беремъ прежде всего широкимъ масштабомъ? . . .

II.

Посмотримъ теперь, какъ слагались наши отношенія къ Западу.

Для правильной оцѣнки ихъ необходимо прежде всего одно условіе. У насъ, къ сожалѣнію, довольно еще распространенъ взглядъ, по которому Европейскій материкъ дѣлится на „Россію“ и собственно „Европу“. Съ этимъ ложнымъ представленіемъ пора бы давно раздѣлаться и не представлять той и другой какими-то двумя отдѣльными и самостоятельными единицами. Дѣленіе это въ свое время установлено было западниками и славянофилами, при чемъ „Россію“ и „Европу“ обѣ школы понимали каждая на свой ладъ. Но западники и славянофилы замѣтно отживаютъ свой вѣкъ; конечно, скоро послѣдуетъ за ними и названное дѣленіе.

Россія есть восточная п о л о в и н а Европы, а не что-либо отдѣльное, обособленное; подобно тому какъ міръ германо-романскій есть з а п а д н а я половина той же Европы, не больше. Ту и другую, каковы бы ни были ихъ индивидуальныя особенности, связываютъ общее расовое происхожденіе, общія начала христіанской культуры, общая географическая близость и почти одновременное выступленіе на историческое поприще.

Современникамъ Рюрика, Св. Ольги, Владиміра, Ярослава Мудраго чужда была мысль объ этой обособленности. Упорядочивая общественныя отношенія, закладывая фундаментъ будущаго государственнаго зданія, они пребывали въ

полномъ убѣжденіи тѣснаго общенія русской земли съ западно-европейскимъ міромъ и сознательно шли на встрѣчу этого общенія. Въ самомъ дѣлѣ, если первые шаги наши на Востокѣ переплетаются съ поступательнымъ движеніемъ азіатскихъ кочевниковъ; то кто кладетъ у насъ первыя основы государственности, какъ не варяги, та скандинавская вѣтвь европейцевъ, которая подобную же службу сослужила и въ Британіи, въ Нормандіи — на сѣверѣ Франціи — и въ южной Италіи? . . Эпоха первыхъ князей русскихъ есть время неустанныхъ сношеній съ Византіею; норвежскіе викинги, короли польскій, французскій, венгерскій ищутъ руки русскихъ княженъ; въ свою очередь для принцессъ византійскихъ и германскихъ Русь становится второй родиною, возникаютъ тѣсныя связи съ Польшей. Заимствуя христіанство изъ Царьграда, мы не считаемъ страннымъ сноситься въ дѣлахъ вѣры и съ императоромъ германскимъ, даже съ самимъ папою. Кіевъ издавна ведетъ торговлю съ такимъ отдаленнымъ пунктомъ Нѣмецкой земли, каковъ Регенсбургъ; а Новгородъ — съ Балтійскимъ побережьемъ.

Въ удѣльно-вѣчевой періодъ мы встрѣтимъ подобныя же явленія. Новгородъ и Псковъ продолжаютъ брататься съ ганзейскими городами; кіевское Поднѣпровье, Волынь и Галичъ въ тѣсномъ общеніи съ Венгріей и Польшей; черезъ ихъ посредство намъ подаетъ руку Германія. Я не говорю уже о томъ, что Византія попрежнему играетъ видную роль въ нашей культурной жизни. Недавно найдено посланіе митрополита Климента Смолятича (XII в); оно съ убѣдительной ясностію рисуетъ занятія русскихъ людей того времени литературою классическою, не исключая и философскаго ея отдѣла Все говоритъ о томъ, что государственная и общественная жизнь, впервые зародившись на Великомъ Греческомъ Водномъ Пути, продолжала и позже развиваться тутъ же, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ культурными племенами. Оставалось только желать, чтобы въ дальнѣйшемъ этотъ обмѣнъ и связь продолжались,

обезпечивая ея участникамъ болѣе полное и разностороннее завоеваніе на мирномъ пути прогресса.

Но въ лицѣ азіатскихъ степняковъ надъ Россіей тяготѣлъ злой рокъ. Половцамъ удалось настолько измучить населеніе Приднѣпровья гнетомъ постоянныхъ вторженій, что русскій человѣкъ не вынесъ: плодородныя поля, самой природою предназначенныя для земледѣльца, онъ оставилъ въ добычу номаду-скотоводу, а самъ удалился въ глухой сѣверовосточный край. Что-жъ дѣлать, если сплошныя болота и непроходимые лѣса покрывали его новое пристанище! Тамошній кусокъ хлѣба, конечно, оказывался болѣе жесткимъ; за то его не такъ легко вырывали изъ рукъ. Такимъ образомъ перенесеніе столицы Андреемъ Боголюбскимъ изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ — не личный капризъ, а историческая необходимость. Во всякомъ случаѣ фактомъ остается то, что центръ тяжести переносился къ Востоку, отодвигался отъ Запада, и это въ ту пору, когда первые ростки общенія успѣли уже пустить корни, хорошо привиться . .

Трудно было поддерживать духовную связь изъ Суздальскаго края, но все же не невозможно, если бы не новый, и на этотъ разъ болѣе ужасный, ударъ — татарское иго. Послѣ него нечего было и думать о Западной Европѣ. Царила одна мысль — уберечься отъ вражескаго меча. Если Золотая Орда и не поглотила Русской земли, то она ее отатарила и задержала развитіе на цѣлыхъ два съ половиною вѣка. Въ то время какъ эволюція западно-европейской культуры продолжала идти своимъ чередомъ, въ Россіи она пріостановилась. Поворотъ къ лучшему наступилъ не ранѣе конца XV в., съ паденіемъ монгольскаго ига, съ объединеніемъ Сѣверовосточной Руси.

Но за эту пору много воды утекло. Средневѣковый періодъ кончился и при томъ одинаково для Восточной и Западной Европы. Эпоха удѣловъ, феодализма, мелкой раздробленности смѣняется эпохою объединенныхъ государствъ,

крупныхъ политическихъ центровъ. Это время Ивановъ и Василіевъ Третьихъ, Людовиковъ Одиннадцатыхъ, Фердинандовъ Католиковъ, Генриховъ Тюдоровъ Европейскія государства, доселѣ болѣе или менѣе замкнутыя въ тѣсной сферѣ своихъ домашнихъ дѣлъ, внутреннихъ разсчетовъ, начинаютъ жить сообща и вступаютъ на поприще болѣе широкой дѣятельности. Возникаетъ впервые международная жизнь въ истинномъ значеніи этого слова. Одинъ ищетъ возможности точнѣе очертить и обезпечить свои политическія границы, другой чувствуетъ себя въ силахъ раздвинуть ихъ возможно дальше. Ставится на очередь вопросъ о политическомъ равновѣсіи Жизнь есть борьба, и побѣда на сторонѣ сильнаго. Войны требуютъ армій, арміи — денегъ; денегъ же требуетъ и дорого стоющая администрація, — отсюда громадное и небывалое дотолѣ значеніе денегъ. — Одними налогами да пошлинами ихъ не достанешь, необходима промышленность и торговля. Обширныя колоніи въ другихъ частяхъ свѣта создаютъ новыя поприща для развитія экономическихъ потребностей и въ то же время сами становятся объектомъ оживленной конкурренціи и соперничества. — Рука объ руку съ движеніемъ политическимъ и экономическимъ развивается умственное. Между разрозненными до тѣхъ поръ частями Европы гуманизмъ создаетъ интересы, болѣе прочные и болѣе могучіе, чѣмъ, можетъ быть, все остальное; открытіе же Гуттенберга обезпечиваетъ Европѣ общеніе въ области мысли въ размѣрахъ, дотолѣ еще не бывалыхъ.

Такимъ образомъ на мѣстѣ прежнихъ ячеекъ, изъ какихъ состояла средневѣковая Европа, возникаетъ сложный организмъ; вмѣсто механической мозаики — появились члены цѣльнаго и живого существа. „При такихъ условіяхъ всѣ эти части непремѣнно двигаются сообща, изолированность не допустима, ибо одинъ изъ органовъ своимъ движеніемъ неизбѣжно увлекаетъ и остальные. Рѣчь можетъ итти только о болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, о томъ

насколько извѣстный органъ овладѣлъ необходимыми знаніями, о томъ, кто дѣйствуетъ изъ нихъ активнѣе, кто пассивнѣе; но какъ государства, какъ части великаго цѣлаго — Европы — всѣ эти народности уже и теперь вступаютъ на путь широкаго международнаго общенія“ [1]).

Такова была въ общихъ чертахъ перемѣна, совершившаяся въ Европѣ въ концѣ XV-го, началѣ XVI-го стол. Можно было рукоплескать ей, можно было метать въ нее громами — смотря по желанію — нельзя было сдѣлать лишь одного: уйти отъ общенія, замкнуться въ свою скорлупу.

Представьте себѣ большой желѣзнодорожный вокзалъ, переполненный пассажирами. До поѣзда еще долго и, такъ или иначе, надо прилаживаться. Каждый толчется съ своимъ чемоданомъ и узломъ, каждый торопится занять мѣсто и эгоистически хлопочетъ о себѣ въ ущербъ другому. У прилавка съ ѣдой не протолкаешься. Удобный уголокъ на диванѣ занимаетъ болѣе ловкій и смѣтливый, а простаку ничего не остается какъ дать отвиснуть рукамъ подъ тяжестью своего багажа И эта толпа еще сдерживается чувствомъ приличія, сознаніемъ своихъ обязанностей, правилами, вывѣшенными на стѣнахъ . . . Какъ охотно прогналъ бы я этого сосѣда и вытянулъ ноги во всю скамейку! . . . Но вѣдь одного желанія мало . . . Наоборотъ, другого сосѣда не хочется отпускать отъ себя — такой онъ пріятный собесѣдникъ! Чтобъ обезпечить себѣ занятое мѣсто, не потерять вещей, я выискиваю лицо, внушающее мнѣ болѣе другихъ довѣрія, прошу его „посмотрѣть“ за ними, пока иду за билетомъ, и, разумѣется, отплачиваю ему той же услугой. Вся зала полна, и между всѣми такъ или иначе устанавливаются отношенія, извѣстная связь, все равно, на почвѣ ли сходныхъ интересовъ, взаимныхъ уступокъ или вражды, соревнованія.

---

1) См мой „XVI-й вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи“ Спб. 1891, стр. 17

Замѣните этотъ залъ материкомъ Европы и новооткрытыми землями, толпу пассажировъ — народностями, ихъ населяющими, и суть дѣла отъ этого мало измѣнится. Надо приноравливаться къ обстоятельствамъ, и болѣе знающій, болѣе сильный одержитъ верхъ въ этой борьбѣ за преобладаніе.

Держаться въ сторонѣ Россія была не въ силахъ, если бы даже и хотѣла. Она не могла крикнуть Западной Европѣ: „мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ политическихъ счетовъ“, — потому что отъ нихъ зависѣло рѣшеніе такихъ насущныхъ для нея вопросовъ, каковъ, напримѣръ, вопросъ Балтійскій, изъ-за котораго перегрызлись Швеція, Данія, Германія и Польша и, будучи враждебны одна другой въ отдѣльности, всѣ четверо наперерывъ спѣшили оттереть насъ отъ моря и прижать къ азіатской стѣнѣ. Россія не могла сказать Западной Европѣ: „мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ колоній и коммерческихъ разсчетовъ; я не хочу возить къ вамъ своихъ товаровъ“; — потому что Западная Европа сама шла въ Россію покупать и продавать, при чемъ третировала ее какъ объектъ своихъ промышленныхъ интересовъ, готовая истощать ея природныя богатства. Согласитесь, что было бы по меньшей мѣрѣ глупо при этихъ условіяхъ изображать изъ себя дойную корову Правда, Россія могла еще крикнуть: „мнѣ нѣтъ дѣла до вашего образованія, до новаго изобрѣтенія печати, до вашей литературы, школъ, профессіональныхъ свѣдѣній, до вашего знанія вообще“, — и она, отатарившаяся въ монгольскихъ рукахъ, на первыхъ порахъ рѣшилась было такъ поступить; но скоро одумалась и поняла, что забота о собственномъ спасеніи требуетъ не закрывать дороги образованію.

Такимъ образомъ Россія, подобно остальнымъ народамъ, съ XVI в. вступила въ круговоротъ общей жизни. Но она вступала туда и менѣе сильною, и менѣе подготовленною, съ еще не залѣченными татарскими ранами. Между тѣмъ бороться пришлось съ первой же минуты. На западной

границѣ стояли два врага: Польша и Швеція. Отлично понимая, что участіе въ общеевропейской жизни вольетъ въ жилы русскаго народа свѣжія силы и сдѣлаетъ изъ него опаснаго соперника, обѣ онѣ прилагали всевозможныя усилія, чтобы преградить путь и воздвигнуть на немъ высокій барьеръ. — Если Россія не хотѣла на будущее время играть подчиненной роли или — что́ не лучше — превратиться совсѣмъ въ азіатскую державу, ей во что бы то ни стало слѣдовало пробить дорогу къ живому и свободному общенію съ болѣе культурнымъ Западомъ. Вопросъ шведскій: стать твердой ногою на Балтійскомъ морѣ; вопросъ польскій: возстановить между Русью Московскою и Литовскою политическую связь, нарушенную въ періодъ татарскій — ибо связь духовная никогда не прекращалась — и придать черезъ это новую мощь народу русскому, — вопросы эти выросли органически

Между тѣмъ неудачныя попытки посильнаго разрѣшенія ихъ въ XVI и XVII стол. ясно показали, чего не достаетъ намъ: хорошей арміи, хорошихъ финансовъ, хорошаго управленія, развитой промышленности и торговли; не достаетъ, наконецъ, знанія. Къ этому выводу Россія пришла не сразу, но путемъ горькаго опыта. Вспомнимъ тяжелую войну Ивана Грознаго съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, когда, униженный гордымъ побѣдителемъ, русскій царь вынужденъ былъ не только отказаться отъ замысла утвердиться на Балтійскомъ морѣ, но и вымаливать себѣ миръ. Вспомнимъ планы, того же Баторія, завоеванія всего Московскаго царства, планы, едва не увѣнчавшіеся успѣхомъ въ эпоху Самозванцевъ. Вспомнимъ эту самую эпоху Самозванцевъ, когда Русь очутилась игрушкою въ рукахъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ: поляковъ, шведовъ, татаръ, казаковъ, измѣнниковъ родинѣ. Вспомнимъ, наконецъ, неудачныя войны съ Польшей и Швеціей при царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ, финансовыя затрудненія, безпорядокъ административный, бунты

и возстанія, страшный разладъ въ умахъ современниковъ, созданный расколомъ, и пр. и пр. Судьба безжалостно хлестала насъ, но за то каждый ударъ ея все глубже и глубже внѣдрялъ въ наше сознаніе убѣжденіе въ необходимости стать на одинъ уровень съ Западной Европой.

Между тѣмъ такое знаніе возможно было въ ту пору достать лишь у самой Западной Европы. Мы чуяли это, да боялись открыто признаться и робко ожидали появленія смѣльчака, который бы громогласно, на всю Русь, призналъ справедливость этой мысли. Дожидаться пришлось не особенно долго. Такой смѣльчакъ вскорѣ объявился. То былъ — вы легко угадываете его имя — то былъ Петръ Великій. Петра не испугало признаніе собственной слабости. Онъ рѣшительно и безапелляціонно повелъ насъ въ западноевропейскую школу и сказалъ: „учитесь и заимствуйте, если хотите оставаться русскими, и при томъ сильными духомъ и тѣломъ“. Въ этомъ основной смыслъ его преобразовательной дѣятельности. Поэтому-то реформа Петра и стала синонимомъ прогресса, завоеваній, какъ въ области духа, такъ и въ сферѣ матеріальной жизни.

Петръ впрочемъ успѣлъ только ввести насъ въ западноевропейскую школу. Настоящіе (и долгіе!) годы ученія, собственно говоря, еще предстояли Всмотримся же теперь поближе, чему мы тамъ научились. Разобраться тѣмъ болѣе необходимо, что въ сущности вѣдь всѣ наши сужденія о послѣднихъ двухъ вѣкахъ должны свестись именно къ такого рода разборкѣ. Подсчетъ итоговъ, какъ показываетъ опытъ, дѣлается чуть не каждымъ на свой ладъ и образецъ, самыя слагаемыя берутся не всегда одни и тѣ же; не удивительно, если и выводимая сумма — результатъ впечатлѣній — не для всѣхъ кажется соотвѣтствующею дѣйствительности. Въ виду этого позволю себѣ сравнительно съ бо́льшимъ вниманіемъ — но опять же таки въ тѣсныхъ рамкахъ общаго бѣглаго обзора — остановиться на этомъ вопросѣ.

III.

Итакъ, что же дала намъ западно-европейская школа?

Прежде всего техническія знанія, технику управленія Благодаря имъ, мы смогли разрѣшить вѣковыя историческія задачи: утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, вернуть отъ Польши западную половину русскихъ земель, освободить южную границу отъ крымскихъ набѣговъ, а балканскихъ единовѣрцевъ — отъ турецкаго ига. Скрытыя силы русскаго колосса проявились прежде всего въ военномъ могуществѣ и сказались въ той первенствующей роли, какую играла Россія въ политической жизни Европы при Александрѣ Благословенномъ и Николаѣ I (1814—1848).

Но въ школѣ, куда посадилъ насъ царственный преобразователь, преподавались не одни техническія знанія. Мы очутились тамъ лицомъ къ лицу со всѣмъ духовнымъ міромъ Западной Европы, съ ея вкусами, интересами, привычками, — короче говоря, съ ея идеалами и воззрѣніями. У этихъ идеаловъ была многовѣковая исторія, и что-нибудь да выработала же она сноснаго и положительнаго? . . . Надо ли удивляться, что ученики въ восхищеніи преклонились передъ этой, дѣйствительно, высокой культурой?

Но здѣсь необходимо сдѣлать одну существенную оговорку. Школьные годы застали насъ въ ту пору, когда мы, строго говоря, уже вышли изъ ученическаго возраста. Хотя Петръ Великій, отправляя насъ въ классъ, и обривалъ старательнѣйшимъ образомъ наши бороды; но борода во всякомъ случаѣ уже успѣла вырости, и на школьниковъ, въ общепринятомъ смыслѣ, мы мало походили. У насъ къ этому времени уже успѣли сложиться тоже свои взгляды и убѣжденія, свои вкусы и интересы. Вѣдь на плечахъ русскаго народа была тоже своя 800-лѣтняя исторія! Убѣдиться въ превосходствѣ новой системы ружей или строевой службы, въ необходимости обзавестись регулярной арміею, своими фабриками и заводами — конечно, не составляло

большаго труда; за то въ сферѣ идей неизбѣжны были большія коллизіи.

Я предчувствую возраженія. „Какъ! Авторъ вначалѣ подчеркивалъ единство культуръ русской и западно-европейской, общія основы ихъ цивилизаціи; протестовалъ противъ дѣленія Европы на „Россію“ и „Европу“ въ тѣсномъ значеніи этого слова; видѣлъ въ той и другой какъ бы членовъ одной семьи, а теперь выставляетъ на видъ 800-лѣтнюю русскую культуру со своимъ прошлымъ и своими идеалами, отличными отъ идеаловъ Западной Европы! Развѣ это не противорѣчіе?“

Право нѣтъ. Это только кажущееся противорѣчіе. Оно происходитъ лишь отъ дурной привычки нашей, мѣрить свои отношенія къ Западной Европѣ непремѣнно или западническимъ, или славянофильскимъ аршиномъ. Обыкновенно говорится одно изъ двухъ. „Если мы нація самобытная, со своимъ прошлымъ, то никакой школы не надо было, и Петръ, введя насъ въ нее, напортилъ дѣло, исказилъ національныя черты русскаго народа и нормальный ходъ нашего развитія“. Это рѣчи славянофиловъ. „Если мы не хотѣли окоченѣть въ азіатской косности, то пріобщиться къ европейской культурѣ было единственнымъ спасеніемъ, а Петровская школа — благодѣяніемъ; отстаивать старину было равносильно проповѣди византійской неподвижности и полнаго омертвѣнія.“ Это рѣчи западниковъ. Но и тамъ, и тутъ много ошибочнаго. Самобытность не избавляетъ отъ надобности въ школѣ; надобность въ школѣ отнюдь не мѣшаетъ съ уваженіемъ относиться къ своему прошлому. Если зачастую два родныхъ брата, выросшихъ въ своей семьѣ, среди одинаковыхъ условій и идей, впослѣдствіи на жизненномъ поприщѣ явятся несходными, — то почему не допустить, что двѣ великихъ половины европейскаго населенія, при всемъ сходствѣ основныхъ началъ цивилизаціи, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи выработали далеко не безразличныя особенности?

Міръ человѣческій понялъ двояко ученіе Христа, и прежняя единая Церковь раскололась на двѣ половины. Восточная отпечатлѣла въ себѣ духъ свободы, съ началомъ соборнымъ и принципомъ федераціи отдѣльныхъ помѣстныхъ церквей, гдѣ цѣлое не уничтожаетъ части; западная явилась олицетвореніемъ суровой дисциплины и поглощенія всѣхъ въ одномъ лицѣ. Религія спокойная; если позволительно выразиться, пассивная; болѣе созерцательная, чѣмъ дѣятельная, — въ противоположность религіи активной, воинствующей, всецѣло сотканной изъ прозелитизма. Въ одной рѣзкое обособленіе Божія отъ Кесарева; въ другой — неустанное стремленіе подчинить второе первому. На латинскомъ Западѣ постоянная борьба межъ двумя началами и самостоятельное положеніе церкви въ обществѣ; на православномъ Востокѣ начало Божіе — сила исключительно моральная, далеко не всегда бывшая въ состояніи предохранить себя отъ вторженія начала Кесарева. Легко представить, какъ все это должно было различно отражаться на строѣ понятій и отношеній у народностей западной и восточной половины Европы.

Вѣдь одни, т. е. русскіе, выработали строй общественный на началахъ демократизма, гдѣ сословное или классовое неравенство не болѣе какъ результатъ наличныхъ, данныхъ условій и въ сущности не въ силахъ стереть общаго уравненія, проявляющагося въ подчиненіи всѣхъ одному лицу; тогда какъ другіе въ основу своего строя положили аристократизмъ, съ ярко-сословными перегородками, съ принципіальнымъ правомъ одного и безправіемъ другого; гдѣ явленія зависимости, если когда и возникали сходно съ нашими, то всегда пріобрѣтали свой особый специфическій характеръ.

Наконецъ, вѣдь и по складу самого характера Россія и Западъ во многомъ отличны одна отъ другого. Громадное тѣло, на территоріи, не знавшей предѣловъ и границъ, Россія медленно совершала кругооборотъ своей жизни:

вѣдь большому колесу необходимо больше времени обернуться, чѣмъ малому! На что́ Западу требовались десятки лѣтъ, намъ — сотни Этотъ замедленный темпъ жизни естественно наложилъ свой отпечатокъ на русскаго человѣка, опредѣлилъ его характеръ, болѣе спокойный, сдержанный и ровный, менѣе порывистый. Въ то время какъ территорія Западной Европы и меньшая объемомъ [1]), и богаче одаренная природою, легче поддавалась человѣку, которын поэтому раньше почувствовалъ собственныя силы и возможность направить ихъ по усмотрѣнію, — наши средства, можно сказать, потонули въ безбрежномъ морѣ четырехъ сотенъ тысячъ квадратныхъ миль пространства; неустанная работа почти не подвигала впередъ; да и трудно было думать о новомъ шагѣ, когда и первый-то оказывался сомнительнымъ. Вотъ почему характерной чертою Запада — его энергія наступленія; у насъ — энергія отстаиванія. Тамъ, въ болѣе тѣсномъ районѣ, человѣкъ гораздо быстрѣе сталъ хозяиномъ положенія и увѣренно направилъ свой умъ на поприще дальнѣйшихъ завоеваній; мысль русскаго человѣка работала преимущественно въ направленіи оборонительномъ — въ устраненіи отрицательныхъ, вредныхъ силъ. На Западѣ поэтому духъ болѣе либераленъ. У насъ консерватизмъ — характерная черта народности. Я не имѣю возможности останавливаться здѣсь подробнѣе на указанныхъ особенностяхъ — онѣ могли бы послужить темою для самостоятельнаго этюда — но и сказаннаго, надѣюсь, достаточно, чтобъ согласиться, что въ основѣ русскаго міросозерцанія лежало довольно своеобразныхъ и самостоятельныхъ чертъ, и при томъ столь устойчивыхъ, что стереть ихъ не въ силахъ была бы никакая школа.

Въ комъ же собственно проявляется это міросозерцаніе? Кто носитъ въ себѣ живой его образъ? Кто обыкновенно

---

1) Имѣю въ виду размѣры собственно каждаго государства З. Европы въ отдѣльности, сравнительно съ объемомъ Россіи.

охраняетъ, не даетъ потускнѣть, придаетъ ему такую живучесть? — Весь народъ, понимаемый какъ единое цѣлое. Онъ вынашиваетъ это міросозерцаніе всею своею жизнью, дорожитъ имъ, какъ завѣтомъ отцовъ, какъ залогомъ непрерывающейся связи съ родной стариною. Это и есть то, что мы называемъ національнымъ характеромъ, національными чертами. Отразить ихъ въ себѣ дано лишь самому ихъ носителю — народу. Отдѣльная личность, развѣ только это исключительный геній, лишена такой способности. Личность — только блѣдный и къ тому же весьма неполный отпечатокъ національной идеи, часто даже искаженный; и лишь самъ народъ есть истинное зеркало національныхъ особенностей своихъ, ему одному присуща возможность проявить ихъ въ жизни ярко и полно. Подъ вліяніемъ индивидуальныхъ условій воспитанія, личность можетъ и совсѣмъ не понимать, чуждаться, — болѣе того: измѣнять національнымъ идеаламъ; народъ же цѣпко держится за нихъ, такъ какъ чувствуетъ въ нихъ выраженіе своего *я* и права на самостоятельную историческую роль.

Итакъ слѣдуетъ помнить, что вступая въ школу, созданную Петромъ, мы, хотя и неучи, были уже взрослыми, съ опредѣленными убѣжденіями и взглядами на цѣлыя сферы житейскихъ вопросовъ. Это-то, какъ я выше замѣтилъ, и обусловило нѣкоторыя коллизіи, придало школьному періоду обостренный характеръ.

Прежде всего надо замѣтить, что Россія была слишкомъ громаднымъ тѣломъ, для того чтобъ процессъ такъ называемой европеизаціи, въ теченіи даже полутора вѣковъ, могъ сколько нибудь замѣтно пройти сквозь всю ея толщу. Западно-европейская образованность задѣла лишь верхи русскаго общества, масса же народная продолжала еще долго жить въ кругѣ старыхъ понятій; да и по сію пору эта образованность, какъ извѣстно, отражается на ней лишь рикошетомъ. Большинство такимъ образомъ продолжало идти старой дорогою и лишь меньшая часть сошла съ нея.

Чѣмъ дальше, тѣмъ линіи двухъ путей неизбѣжно расходились все сильнѣе, и скоро одна половина перестала понимать другую.

Данныя, при которыхъ произошло наше соприкосновеніе съ Западомъ, были весьма разнообразны Прежде всего они возникли на почвѣ внѣшнихъ заимствованій, на болѣе доступной и воспріимчивой. Восхититься, а въ отдѣльныхъ случаяхъ дойти до слѣпого обожанія матеріальной культуры Запада, было не трудно, тѣмъ болѣе что послѣдняя рисовалась тогда въ особенно заманчивыхъ формахъ. То была пора XIV-го и XV-го Людовиковъ, съ ея блестящей и веселою жизнью, въ чаду которой такъ пріятно кружилась голова. Изъ костромскихъ лѣсовъ своихъ, неуклюжихъ московскихъ улицъ, съ пьяныхъ и грубыхъ вечеринокъ русская знать XVIII в. сразу переносилась въ какой-то сказочный міръ, въ волшебную феерію, въ изящную обстановку утонченнаго общества, гдѣ самый порокъ представлялся чѣмъ-то чарующимъ, полнымъ обаянія. На всякій случаи пряность порока была заглушена тонкими духами, что́ въ данномъ случаѣ, пожалуй, было излишне, такъ какъ неизбалованное обоняніе нашихъ предковъ охотно смаковало и самые рѣзкіе запахи Для многихъ вся жизнь свелась къ тому, чтобъ прокучивать за границею трудовыя деньги своихъ крестьянъ, содержать метрессъ и одѣвать себя въ шелковые кафтаны, а, вернувшись на родину, въ родовыхъ нюмѣстьяхъ и въ салонахъ столицы копировать свои образцы. Петиметровъ, „махальщиковъ“ и Иванушекъ изъ Фонвизинскаго „Бригадира“ развелось у насъ въ XVIII ст. достаточное количество. Но, какъ ни печально это явленіе само по себѣ, суть дѣла заключалась не въ немъ.

Гораздо важнѣе было соприкосновеніе съ Западомъ на почвѣ ея положительныхъ достоинствъ. Въ обстановкѣ тамошней жизни русскіе люди въ состояніи были замѣтить не одни фонтаны Версальскаго парка, но и сильную армію, флотъ, широко развитую промышленность съ ея фабриками

и заводами, торговлю, пути сообщенія, матеріальный достатокъ населенія; города, устроенныя съ бо́льшимъ пониманіемъ требованій гигіены; больницы и богадѣльни и, наконецъ, тѣ внѣшнія удобства жизни, которыя являются характернымъ спутникомъ настоящей, а не показной только культуры. Сравненіе всего этого съ нашимъ собственнымъ слишкомъ рѣзало глаза, для того чтобъ допустить какое-либо сомнѣніе въ выводахъ.

Но и это еще не все. Меньшинство русскаго общества остановилось съ удивленіемъ, во всякомъ случаѣ болѣе сознательнымъ, передъ всѣмъ строемъ западно-европейской жизни. Наши сосѣди сильны были не только обученіемъ арміи, но и ея организаціей; не только матеріальнымъ достаткомъ, но и устройствомъ своихъ финансовъ и управленія, своими законами, школою, реальной силою верховной власти, хотя бы таковая олицетворялась въ простомъ штатгальтерѣ Голландскихъ Штатовъ. Убѣдившись, что сила Западной Европы именно въ этой послѣдней категоріи явленій, естественно было придти къ мысли о культивированіи и на русской нивѣ такихъ же порядковъ. Желаніе не замедлило окрѣпнуть и стало не только пропагандироваться, а и дѣятельно осуществляться на практикѣ.

Но здѣсь-то и сказалось, что мы позабыли объ одномъ: справиться съ исторіей своего народа. Если постройка кораблей, заведеніе фабрикъ и заводовъ, обученіе солдатъ военному дѣлу и возможно, даже необходимо было совершить по западно-европейскому плану; то прямыя заимствованія въ сферѣ управленія, суда, школы и т. п. могли дать не всегда желаемые результаты. Ваше платье, можетъ быть, и прекрасно, вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли: оно пригнано по росту, вашего любимаго цвѣта и доброты, къ какой вы привыкли. Не спорю. Но для меня оно можетъ оказаться или слишкомъ узкимъ, или слишкомъ широкимъ; цвѣта, который я не выношу; а по добротѣ, положимъ,

слишкомъ тонко и по моей комплекціи поэтому недостаточно грѣетъ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

И дѣйствительно, исторія школьнаго періода русской исторіи даетъ не одинъ примѣръ такого напяливанья чужого платья. Напомню хотя бы бюрократическую табель о рангахъ, или не столько ее, такъ какъ въ основѣ табели лежало здоровое зерно противодѣйствія старому мѣстничеству, — а скорѣе тотъ духъ бюрократизма, что́ охватилъ русское общество XVIII и XIX стол. и совершенно задавилъ прежнія черты активной гражданственности и самодѣятельной мысли. Напомню лютеранскія тенденціи Петра Великаго въ вопросѣ объ отношеніяхъ церкви и государства, тенденціи, отразившіяся на строѣ церковномъ; подобную же точку зрѣнія, нашедшую свое дальнѣйшее развитіе при Аннѣ Іоанновнѣ. Въ эту же категорію чужихъ образцовъ придется отнести и законъ Петра Великаго о единонаслѣдіи („майоратѣ“), не продержавшійся и 20-ти лѣтъ, такъ какъ онъ, хотя и вытекалъ изъ основаній теоретически правильныхъ и даже желательныхъ, но шелъ въ разрѣзъ съ основными воззрѣніями общества. Совершенно въ духѣ западно-европейскихъ идеаловъ на всемъ пространствѣ XVIII стол происходитъ сословная группировка общества, взамѣнъ прежней классовой; юридическія права однихъ и юридическое безправіе другихъ выдѣляются все рѣзче и рѣзче; старый принципъ службы всѣхъ своему государю и отечеству начинаетъ вытѣсняться идеею привиллегированнаго положенія немногихъ. Въ связи съ этимъ и крѣпостное право теряетъ смыслъ государственной повинности, превращается въ подчиненіе лицу и обусловливаетъ растлѣніе нравовъ одинаково, какъ среди помѣщиковъ, такъ и среди ихъ рабовъ. Грамотой о вольности дворянства и Городовымъ положеніемъ императрица Екатерина II лишній разъ подчеркиваетъ свою зависимость отъ Западной Европы, не замѣчая, что вводитъ и закрѣпляетъ на многіе годы то, что у самихъ сосѣдей признается обветшалымъ и доживаетъ

послѣдніе дни Напомню, наконецъ, Александра I и ту сперва англійскую, затѣмъ французскую, позже нѣмецкую и никакъ только не русскую „складку“ его государственной дѣятельности.

Во внѣшней политикѣ, быть можетъ, еще ярче наша зависимость отъ Западной Европы. При Аннѣ Іоанновнѣ мы стоимъ въ хвостѣ австрійской политики и воюемъ съ поляками и турками прямо на пользу своей сосѣдкѣ; Петра III естественнѣе было бы видѣть во главѣ прусскаго полка, подъ командою Фридриха II, чѣмъ на престолѣ русскихъ императоровъ; сама Екатерина II, славная рѣшеніемъ вопроса польскаго и крымскаго, готова жертвовать силами страны, и прямо во вредъ ей, ради того чтобы отдать ключи Босфора выродившимся потомкамъ доблестныхъ Ѳемистокловъ и Перикловъ.

Но самое безшабашное увлеченіе Западомъ было еще впереди. Школьный европеизмъ нашъ достигъ кульминаціонной точки при Павлѣ и Александрѣ I, когда мы не только съ благоговѣніемъ ловили слова учителя, но и жили, служили его интересамъ, игнорируя собственныя; когда посылали своихъ сыновей умирать за чужое дѣло на опаленныхъ солнцемъ поляхъ Ломбардіи или коченѣть въ сугробахъ швейцарскихъ снѣговъ; когда, всецѣло отдавшись мѣстнымъ и частнымъ интересамъ западно-европейскихъ народовъ, веденіе внутреннихъ дѣлъ своей страны поручали, какъ докучную вещь, какому-то Аракчееву . . . Къ этой же категоріи явленій можно отнести и поддержку вооруженною рукою, въ 1833 г. — турецкаго султана противъ египетскаго паши Мегмедъ-Али, и въ 1849 г. — австрійскаго императора противъ возмутившихся венгровъ.

Что жъ дѣлать! Дань ученическаго увлеченія! Въ періодъ школы естественно смотрѣть глазами своего учителя, jurare in verba magistri.

Основная ошибка заключалась въ томъ, что въ Россіи видѣли tabulam rasam, на которой позволительно чертить

что угодно; и кромѣ того въ положительной правдѣ Западной Европы видѣли правду абсолютную, а не относительную. Впрочемъ въ этомъ отношеніи свою ошибку мы раздѣляли со всѣмъ вѣкомъ. Передовые умы Западной Европы XVIII ст., воспитанные на идеяхъ естественнаго права, не признавали въ исторіи послѣдовательнаго развитія, исторической преемственности и послѣдовательности, и въ реально несуществующемъ „Общечеловѣческомъ“ видѣли рецептъ, пригодный для всѣхъ.

Въ Россіи, на всемъ протяженіи XVIII в., можетъ быть, только два человѣка ясно представляли себѣ необходимость и возможность пересадки западно-европейской культуры примѣнительно къ особенностямъ русскаго духа. Но за то это и были два геніальнѣйшихъ русскихъ ума: Петръ Великій и Ломоносовъ. Не даромъ въ ихъ просвѣтительной дѣятельности такъ много истинно здороваго, трезваго и осмысленнаго. Можно только пожалѣть, что даже и двѣ ласточки еще не дѣлаютъ весны!

Итакъ, что же передала намъ западно-европейская школа?

Во первыхъ, внѣшній блескъ цивилизаціи, подъ часъ съ очень гнилымъ содержаніемъ; во вторыхъ, матеріальную культуру и въ третьихъ, пересадку учрежденій и институтовъ, зачастую совсѣмъ непригодныхъ для нашей почвы. Ради перваго и третьяго въ школу не только не стоило идти, но прямо слѣдовало обойти ее. Много цѣннаго за то дала матеріальная культура. Но, можетъ быть, это добро совсѣмъ не искупалось внесеннымъ зломъ?

Мы впрочемъ нѣсколько поторопились съ подсчетомъ. Сверхъ указаннаго школа дала намъ и еще нѣчто, и при томъ такое цѣнное, что передъ нимъ блекнутъ всѣ остальные дары Запада, и положительные, и отрицательные. Это міръ тѣхъ духовныхъ интересовъ, который не зависитъ отъ формъ и учрежденій, а составляетъ основу человѣческаго духа, по крайней мѣрѣ европейскаго.

Запросы пытливаго ума, стремящагося вскрыть таинственный міръ Божій — вызываютъ знаніе. Прирожденная человѣку потребность жить въ обществѣ людей подобныхъ — создаетъ общественныя отношенія, уваженіе къ порядку, закону и къ власти, какъ его носителю. Сознаніе своего *я* — ведетъ къ уваженію личности, къ равноправности соціальной и юридической, къ свободѣ совѣсти, къ свободѣ мысли и къ ея могучему орудію — печатному слову. Потребность духовныхъ наслажденій — создаетъ цѣлый міръ прекраснаго, который человѣчество культивируетъ не менѣе охотно.

Въ выработкѣ этихъ представленій Западная Европа шла впереди насъ, и поучиться у нея было чему. Нельзя сказать, чтобъ чѣмъ-нибудь абсолютно новымъ звучали эти идеи для русскаго уха; но тѣ благопріятныя условія, въ силу которыхъ Западная Европа опередила насъ, помогли ей выработать ихъ отчетливѣе и полнѣе. Для насъ многое было еще или блѣдно, или затемнено постороннимъ, оставалось просто неясно или еще не созрѣвшимъ. Изъ двухъ братьевъ, одной семьи, воспитанныхъ въ духѣ одинаковыхъ идеаловъ, мы оказались, благодаря Азіатскому востоку, въ положеніи младшаго, а братъ старшій нашимъ наставникомъ: онъ освѣжилъ намъ эти идеалы, облегчилъ ихъ усвоеніе, и тѣмъ, что его работа пала не на безплодную почву, лучше всего доказывается общность основъ русской и западноевропейской цивилизаціи.

Нѣтъ надобности давать длинный перечень фактовъ, могущихъ подтвердить высказанное положеніе. Достаточно вспомнить хотя бы просвѣтительныя идеи Екатерины II, народно-образовательную дѣятельность Новикова, горячій протестъ Радищева, основную подкладку государственныхъ плановъ Сперанскаго и Александра I; художественную литературу Николаевскаго времени, посвященную мирной пропагандѣ идеи борьбы съ крѣпостной язвою; горячіе споры западниковъ и славянофиловъ, какъ одинъ изъ при-

знаковъ гражданской зрѣлости русскаго общества; наконецъ, освобожденіе крестьянъ. Думаю, и этихъ примѣровъ довольно, чтобъ видѣть, какимъ высокимъ подъемомъ сказалось пребываніе наше въ западной школѣ.

Царствованіе императора Александра Павловича я сейчасъ назвалъ порой безшабашнаго поклоненія Западу; а между тѣмъ, можетъ быть, ни въ какое иное время не былъ такъ высокъ подъемъ гуманныхъ идей въ обществѣ, какъ именно въ эти годы! Во имя правъ человѣка дѣлаются попытки къ освобожденію крестьянъ; во имя свѣта знанія разводятся университеты, учреждаются гимназіи, упрочивается низшая школа, ростетъ литература . . Не въ эту ли эпоху сложилось міровоззрѣніе русскаго поэта, который своему царственному питомцу пожелалъ:

„Да на чредѣ высокой не забудетъ
„Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ?“

И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: у зла есть и оборотная сторона — добро; и возставать противъ перваго безполезно, потому что и у добра долженъ быть свой противовѣсъ: зло.

Нельзя не видѣть, что курсъ ученія, пройденный нами въ западно-европейской школѣ, былъ довольно сложнымъ и разнообразнымъ; не все было тамъ одинаковаго качества, не все одинаково пригодно, не все, можетъ быть, и усвоивалось въ послѣдовательности, отвѣчавшей требованіямъ разумной педагогики. Не удивительно поэтому, если впечатлѣніе оказывалось не одинакимъ; школу оцѣнивали подъ разными углами зрѣнія и предъявляли къ ней требованія въ зависимости отъ разныхъ желаній. Съ Петра Великаго и, пожалуй, до сей поры можно слышать и горячія діатрибы, и не менѣе жаркія апологіи реформѣ и ея слѣдствіямъ. Впрочемъ, нынѣ уже дикимъ звучалъ бы голосъ безусловнаго осужденія или преклоненія, и кто же собственно оказалъ наибольшую услугу въ правильномъ уясненіи реформы? Какъ разъ тѣ, кто безусловно или

отстаивалъ, или осуждалъ ее: западники и славянофилы! Крайностями своихъ воззрѣній каждая изъ этихъ школъ лучше всего доказала положительныя стороны своей противницы.

Ошибка славянофиловъ заключалась въ томъ, что, нападая на внѣшнюю европеизацію и пересадку иноземныхъ учрежденій, они не хотѣли видѣть того идейнаго содержанія, примѣры котораго я только что далъ. Да и помимо идей, не все же и въ области учрежденій было у Запада непригодно для насъ. Согласитесь, что изъ-за такихъ явленій, какъ судъ присяжныхъ, гласность суда, свѣтская школа, законъ о печати, дома призрѣнія, товарищества взаимопомощи, комитеты различныхъ названій и общества на самой разнообразной подкладкѣ — беру первое, что́ приходитъ на память — согласитесь, что изъза этого тоже стоило ратовать, и даже очень. Но, увлекаясь мыслью о „гніеніи“ Запада, славянофилы вообще не допускали возможности перенести оттуда что-либо здоровое на родную почву. Въ этомъ отношеніи западники служили имъ прекраснымъ корректривомъ

Ошибка же самихъ западниковъ сводилась къ тому, что они, готовые, въ противность тѣмъ, цѣликомъ пересадить съ Запада и содержаніе, и формы, — въ до-Петровской Руси не видѣли ничего достойнаго на право бытія. Корректривомъ этому заблужденію въ свою очередь служили славянофилы.

Оба направленія имѣютъ одинаковое право на самую теплую благодарность позднѣйшихъ поколѣній. Мы знаемъ теперь, что въ собственныхъ интересахъ нашихъ не слѣдуетъ игнорировать духовнаго содержанія Запада; но въ то же время нельзя игнорировать и историческихъ условій, въ какихъ сложился духовный обликъ русскаго человѣка. Если мы захотимъ добросовѣстно воспользоваться уроками обѣихъ школъ и отдать имъ должную дань, — не будемъ ни западниками, ни славянофилами, а сочетаемъ въ гар-

моничномъ единеніи положительныя стороны каждаго направленія; ибо эти стороны не только справедливы сами по себѣ, но и не противорѣчатъ одна другой. Если кто будетъ дѣйствовать въ духѣ Бѣлинскаго, Грановскаго и ихъ единомышленниковъ, отвѣтимъ тому: „Живая творческая работа общественной мысли обезпечится путемъ „сохраненія національнаго характера, путемъ проявленія „Общечеловѣческаго начала въ формѣ національной“. Если кто будетъ дѣйствовать въ духѣ Хомякова и Аксакова, скажемъ тому: „Національность, хотя бы и славянская, „есть лишь частичное выраженіе Общечеловѣческаго, и „одна она еще не приведетъ къ источнику вѣчной Истины“.

Я обмолвился выраженіями: „Общечеловѣческое“, „источникъ вѣчной Истины“ Западники и славянофилы, какъ извѣстно, вышли изъ общей для нихъ школы, гегелевской философіи, и вѣрили въ существованіе особыхъ народовъносителей этой вѣчной Истины Разногласіе было лишь, кого считать этими носителями? Одни видѣли ихъ въ германо-романскомъ мірѣ, другіе — въ мірѣ славянскомъ. Заблуждались одинаково и тѣ, и эти. Общечеловѣческое не есть что-либо конкретное, существующее въ реальныхъ формахъ. Нѣтъ дерева, какъ дерева, а есть береза, дубъ, сосна или пальма. Въ этой березѣ есть признаки и свойства дерева, но они существуютъ — извините угловатость выраженія — въ березовой формѣ. Точно такъ же проявляются эти свойства и въ формѣ дубовой, сосновой и т. д. Общечеловѣка не было и никогда не будетъ Но „общечеловѣчность“ можетъ проявиться реально въ національности русской, нѣмецкой, французской, итальянской и какой угодно. Но каждая народность отразитъ лишь одну сторону Общечеловѣческаго и никогда — все. Вспомнимъ древнихъ грековъ, носителей идеи Красоты, Гармоніи, Прекраснаго; вспомнимъ римлянъ, олицетворившихъ въ себѣ идею Права, Закона и Общества. Каждая народность что-либо да отражаетъ изъ сферы Общечеловѣческаго, но вполнѣ это

Общечеловѣческое найдетъ свои конкретныя формы и реальныя выраженія не прежде, чѣмъ само человѣчество прекратитъ свою дѣятельность, то есть, перестанетъ существовать на землѣ.

Вотъ почему западники и славянофилы ошибались, полагая найти *все* человѣческое въ одной *части* человѣчества. Но за то въ этой ошибкѣ, если хотите, ихъ заслуга: теперь намъ стало яснѣе, что истинный путь въ широкомъ общеніи со всѣми, въ комъ есть хотя бы малѣйшее проявленіе Общечеловѣческаго, ибо только этимъ путемъ Частная истина — національность — отпечатлѣетъ возможно полно истину Вѣчную, единственно справедливую.

Такова программа. Что же говорятъ факты? Теперь, почти на рубежѣ двухъ столѣтій, вышли ли мы изъ школы, покончили ли съ днями ученія?

Выйти изъ школы значитъ, во первыхъ, „смѣть свое сужденіе имѣть“; а во вторыхъ, заручиться необходимымъ знаніемъ. Что касается перваго, то начало попытокъ освободиться изъ-подъ вліянія западно-европейскихъ точекъ зрѣнія можно прослѣдить еще съ прошлаго столѣтія Въ Екатерининское время слышится протестъ не только противъ моднаго усвоенія блестокъ западно-европейской цивилизаціи, но и противъ господствующаго взгляда, будто бы Петръ Великій есть творецъ новой Россіи, а въ Руси Московской не было ничего достойнаго уваженія. Въ началѣ XIX в. Карамзинъ, въ извѣстной запискѣ своей „О древней и новой Россіи“, рѣшается самому Петру противопоставить Ивана III и признать первенство за послѣднимъ. Въ правительственныхъ сферахъ этотъ поворотъ совершается медленнѣе и позже, но прослѣдить можно и его.

Если Александръ Благословенный еще боится выйти изъ-подъ ферулы Запада, не рѣшаясь отнестись, напримѣръ, къ Греческому возстанію такъ, какъ это указывала наша собственная исторія; то у его преемника изрѣдка начинаетъ звучать иная нота: Николай I тѣхъ же грековъ поддержи-

ваетъ, хотя, можетъ быть, и не вполнѣ отдавая себѣ въ этомъ отчетъ, въ духѣ воззрѣній, которыя выросли на почвѣ Московской Руси и изъ русскаго царя сдѣлали покровителя всего православнаго міра То же и по отношенію Сербіи, Румыніи Правда, императоръ, совершенно еще въ духѣ западно-европейскаго кастоваго аристократизма повторяетъ фразу французскаго короля Генриха IV, что онъ есть первый дворянинъ въ государствѣ; но за то на ряду съ этимъ Россія выставляетъ такихъ истинно національныхъ писателей, какъ Пушкинъ и Гоголь. — Реформы Александра II, особенно земская и крестьянская, освободительная война на Балканскомъ полуостровѣ, совершаются въ духѣ историческихъ традицій Не даромъ старообрядцы говорятъ государю: „Въ новинахъ твоихъ, благочестивый царь, старина намъ слышится“. — Желаніе опереться на чисто-русскія и строго національныя начала еще замѣтнѣе въ только-что окончившемся царствованіи императора Александра III. Такимъ образомъ мало по малу крѣпнетъ и ростетъ мысль направить ходъ русской жизни соотвѣтственно вѣковымъ основамъ національнаго быта.

Что же касается знанія, то учиться намъ остается еще многому, и въ сферѣ матеріальной, и въ сферѣ духовной культуры. Работы еще вдоволь, начиная отъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ и кончая завоеваніями въ высшихъ сферахъ дѣятельности свободнаго духа. Но и здѣсь мы уже не безусловные ученики. Начинающаяся зрѣлость наша доказывается такими именами, какъ Глинка, Тургеневъ, Достоевскій, Л. Толстой, Рѣпинъ, Лобачевскій, Пироговъ, Менделѣевъ. Благодаря имъ, мы теперь не только беремъ у Запада, но и даемъ ему свое, — потому что эти имена славны не въ одной Россіи, потому что образы, факты и идеи, вынесенные и открытые ими, становятся достояніемъ также и Западной Европы, входятъ въ оборотъ ея мысли.

Такимъ образомъ отвѣтъ на поставленный вопросъ сводится въ сущности къ опредѣленію степени нашей

самостоятельности въ сужденіяхъ и поступкахъ, съ одной стороны, — размѣровъ и интенсивности нашего знанія, съ другой; при чемъ излишне доказывать, какъ то и другое стоитъ въ неразрывной и самой тѣсной между собою зависимости Вѣдь не достаточно только х о т ѣ т ь или даже пытаться самостоятельно дѣйствовать въ національномъ духѣ: правильное пониманіе особенностей этого духа и сопряженныхъ съ нимъ постулатовъ прямо пропорціонально нашему образованію; въ свою очередь и цѣнность нашего вклада въ общеевропейскую жизнь обусловлена его самобытностью и оригинальностью.

Если же признать, что на основаніи отдѣльныхъ фактовъ, лицъ, случаевъ и происшествій — а чего либо иного пока нѣтъ въ нашемъ распоряженіи — еще нельзя доказывать, что явленіе, о коемъ идетъ рѣчь, дѣйствительно успѣло получить преобладаніе въ современномъ обществѣ и отодвинуть на задній планъ то, на смѣну чему оно нынѣ идетъ, — слѣдуетъ поэтому признать, что о выходѣ изъ школы, какъ фактѣ совершившемся, говорить пока еще рано. Очевидно, намъ еще не достаетъ ни трезвой, ясной формулировки, въ чемъ должны проявляться наши національныя особенности и задачи; не достаетъ и образованія на столько сильнаго, чтобъ охватить всѣ слои общества, и при томъ не скользя по однимъ ихъ верхамъ Но все таки уже и теперь можно смѣло сказать: начало концу школьнаго періода положено, ибо по многимъ признакамъ чувствуется, какъ для насъ наступаетъ иная пора.

Если бы кто спросилъ: кому или чему собственно обязаны мы этой зарею новаго дня? — я не обинуясь бы отвѣчалъ: 19-му февраля, освобожденію крестьянъ, этому величайшему акту русской исторіи на пространствѣ всего XIX стол. До тѣхъ поръ пока Россія находилась еще подъ гнетомъ крѣпостнаго права, группировка общественная не могла быть иною, какъ только сословно-эгоистичною, грубо утилитарною, въ полномъ смыслѣ слова антихристіанскою

При этой гангренѣ не мыслима была никакая настоящая сплоченность, и о б щ и х ъ интересовъ, о б щ и х ъ нуждъ, о б щ и х ъ радостей (я говорю: „общихъ“ въ смыслѣ народномъ, государственномъ) оно не допускало. До 19-го февраля весь строй нашъ держался въ сущности на принципѣ homo homini lupus est. Государство, по преимуществу, крестьянское, Россія эту-то крестьянскую силу и низводила на степень вьючнаго животнаго Какую роль при этихъ условіяхъ могли играть остальные классы? Роль паразитовъ на чужомъ тѣлѣ. Сами загрязнивъ источникъ живой воды, откуда могли почерпнуть они свои силы? . . . Но что за цѣлебнымъ свойствомъ обладалъ этотъ источникъ. видно хотя бы на тѣхъ, кто прикасался къ нему и пилъ его воду, даже и замутненную. Для примѣра укажу на Ломоносова, Новикова, Крылова, Пушкина, Гоголя и Кольцова.

19 февраля навсегда покончило съ тѣмъ средостѣніемъ, которое стояло межъ такъ называемыми „низшими“ и „высшими“ классами. Только съ этихъ поръ оказалось возможнымъ серьезно говорить о рȳсскомъ народѣ не какъ о механическомъ конгломератѣ разнородныхъ частей, а какъ о дѣйствительно единомъ цѣломъ, проникнутомъ общимъ духомъ. Разумѣется, въ настоящую минуту, черезъ какихъ-нибудь 30—35 лѣтъ послѣ Освобожденія, мы пока еще далеки отъ фактическаго осуществленія этого единства, — оно, какъ и окончательный выходъ изъ школы, еще впереди и въ будущемъ, можетъ быть, даже весьма не близкомъ; но важно и то, что сдѣланъ шагъ въ этомъ направленіи, разбиты преграды, дана возможность идти впередъ. А искони демократическая основа нашего общественнаго строя существенно облегчитъ самую задачу. Въ духовномъ единеніи всѣхъ мы обрѣтемъ новыя силы и дадимъ жизнь новымъ славнымъ именамъ.

Будущій историкъ несомнѣнно отмѣтитъ 19-е февраля, какъ рубежъ двухъ эпохъ. „Здѣсь — скажетъ онъ впослѣдствіи — заканчивался школьный періодъ русской

исторіи и начинался самостоятельный. Но, выбравшись на свою дорогу, русскій народъ вступилъ на нее не съ тѣмъ, чтобъ уйти въ сторону, а чтобы продолжать принимать участіе въ общей европейской жизни, въ этотъ разъ на положеніи равноправнаго сочлена". Вотъ что онъ скажетъ. Но если мы въ самомъ дѣлѣ хотимъ дать право будущему историку произнести эти слова, необходимо, выходя на дорогу національной самобытности, дѣйствительно, не уходить въ сторону, а пребывать въ тѣсномъ общеніи съ родственнымъ Западомъ.

Стать самостоятельными русскими и остаться европейцами — вотъ въ чемъ наша задача!

4 февраля 1895 г.